

...РИСК ЖИЗНИ И СВОБОДА УМЕРЕТЬ

(К столетию со дня рождения
Михаила Дудина)

Мне не раз приходилось писать о Михаиле Александровиче Дудине, посчастливилось встречаться с ним в Ленинграде и в Иванове, получать от него книги с дарственной надписью. Но странное дело: чем, казалось бы, ближе я подходил к Дудину, тем все сложнее становилось определить сокровенную суть его творчества.

Выдающийся советский поэт, один из виднейших поэтов фронтового поколения, легендарный ленинградец, кому великий город благодарен за идею создания Зеленого пояса Славы и чьи боевые и гражданские деяния Дудина во славу этого города никогда не будут забыты. А еще Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий... Все это так. Но прежде всего Дудин — поэт, то есть художник со своим неповторимым взглядом на жизнь, которая таится в самой структурной почве его поэзии. В самом его творческом поведении.

Однажды Александр Макаров, честный и проницательный советский критик, написал о Дудине: «Михаил Дудин очень талантлив, и многие стихи его превосходят. И в то же время он какой-то неуловимый, без резких очертаний». Это по-своему верное наблюдение, и в нем чувствуется оттенок какого-то критического недоверия к поэтической манере Дудина, упрек в размытости его поэзии в общем речевом потоке высокой риторики. Справедливо ли это суждение? В какой-то мере справедливо. Помню, как я впервые услышал из уст самого Дудина одно из первых «перестроечных» его стихотворений. Горбачев только-только занял самый высокий пост советского государства, и в дудинских стихах даны весьма резкие очертания этого исторического события:

Каким он будет новый князь,
Чем мир земной прославит,
Куда, через какую связь
Полет времен направит?

Какой земля услышит плач —
Рождения или смерти?
Кто, светлый гений иль палач,
Наш крестный путь очертит...

Таганов Леонид Николаевич, родился в 1941 году. Доктор филологических наук, профессор Ивановского государственного университета. Член Союза писателей России с 1977 года. Научные интересы связаны с историей русской литературы XX века. Автор книг «На поэтических меридианах» (1975), «Долгое эхо войны» (1983), «Прости мою ночную душу...» (1993), «Ивановский миф и литература» (2006) и др.

И вдруг после этих строк, от которых, как говорится, мороз пробежал по коже, шло риторическое закругление:

Пусть песни честные слова
Звучат светло и смело,
И ясной мысли голова
Не лихорадит тела.

Такого рода «закруглений немало в поэзии Дудина. Особенно в его сонетных стихах. По-своему искусных, но все ж производящих впечатление высокого стихотворного чистописания.

Но не дай нам Бог свести поэзию Дудина к голой риторике. Действительно, риторическое начало пронизывает все его творчество, но в лучших его произведениях оно идет от желания найти какие-то основополагающие формулы жизни, выстраданные поэтом. Показательны в этом плане последние стихи поэта, где он обозначает символ своей веры:

А надо научиться и — уметь
Не требовать от жизни снисхожденья.
...Есть торжество и таинство рожденья,
Риск жизни и свобода умереть.

Через призму этой поэтической формулы, запечатленной в этих стихах, мы можем увидеть всю уникальность поэтического мира Дудина.

Дудин кажется одним из самых светлых, жизнерадостных поэтов XX века. А ведь жизнь не баловала его. В одиннадцать лет потерял мать. Полуголодная юность. Страшная война: кровь, насилие, гибель товарищей. Какой там свет? После Освенцима нельзя писать стихи, изрек один из авторитетных философов XX века. Дудин как бы поставил задачу опровергнуть этот тезис, настаивая: «Прекрасен мир и вечен человек». Прекрасен, несмотря ни на что. Откуда в Дудине этот питавший его всю жизнь оптимизм? И здесь нельзя не вспомнить о корневых началах его явления. О маленькой деревеньке Клевневе, где он родился. С этой незаметной на российской карте точки Русской земли и началась, по словам Дудина, «его связь с прародительницей землей, с травой и облаками, с человеческой семьей, населяющей мир жизни, и с Млечным Путем, отраженным в волнах Тихого океана и в утренней росинке, возникшей на острие шипа неистребимого татарника».

Дудин рано почувствовал, что поэзия не только и не столько отражение жизни, но и сотворение параллельной реальности, которая может пересоздать мир на более добрых началах.

Дудин был изначально верующим человеком. Верующим в красоту, любовь и бессмертие. Он воскрешает в своей поэзии образ матери как символ прекрасного женского начала России, ее природной чистоты и красоты. Как охранная грамота сына, идущего на смерть, мать предстает в одноименном, широко известном стихотворении, написанном в 1943 году. А пленительные поздние стихи Дудина о матери:

...Там мама к дому через луг
Крутой тропинкой с бережка
Плыла, раскинув крылья рук
По коромыслу бережно.

Стройна, красива и добра,
 Как новый день с обновой,
 И я из полного ведра
 Пил воду родниковую...

Огромную роль в становлении мироощущения поэта сыграла русская поэтическая классика. Дудин, судя по его книге «Поле притяжения», уже в детстве открывал для себя в классической поэзии нетленную, вечную красоту жизни. Пушкин приобщал его к любви «глубинной и неизменной». Некрасов «воспитывал... чувство благородства и гордости, он звал... к действию, к деятельности, потому что сам знал и сладость трудового пота, и цену хлеба». В ряду этих первых литературных открытий — Жуковский, Никитин и другие замечательные русские писатели...

Для молодого Дудина поэтическая классика XIX века была притягательна какой-то особой чистотой звучания. Она становилась камертоном для понимания поэзии в целом, в том числе и поэзии, которая находилась совсем рядом. В очерке «Свой поэт», вошедшем в книгу «Поле притяжения», Дудин рассказал о земляке — певце текстильного края А. Н. Благове. Это был первый «живой» поэт, с которым встретился Дудин. Благодарную память об Александре Николаевиче Благове он пронес через всю жизнь. Чем же было дорого Дудину творчество его земляка?

«Страна поэзии, — пишет Дудин, — была для него страной вечной молодости, и он был верным подданным этой необыкновенной страны — всей своей жизнью, всей доброй душой.

Стихи его прозрачны и чисты. Они под стать той почве, тому миру, в котором они выросли. В них нет броскости, но в них есть глубина. В них мало игры, но есть необходимость. В них отсутствует вычурность рифмы, но есть святая интонация естественности».

Эта оценка ивановского поэта в какой-то мере преувеличена. Преувеличение идет за счет того, что Дудин щедро укрупняет те черты творчества А. Благова, которые напоминают о классических традициях нашей поэзии.

Читая стихи известных советских поэтов 20–30-х годов (среди них были Маяковский и Пастернак, Тихонов и Сельвинский, Асеев и Багрицкий), молодой Дудин восхищался не только новизной видения мира, но и жадно искал здесь то, что указывало бы на некие постоянные основы поэтического творчества.

Можно приводить много примеров из «Поля притяжения», говорящих об особой целенаправленности в творческом самоопределении М. Дудина. И общий вывод здесь может быть таким: Дудин очень рано ощутил потребность в освещении современной проблематики гармонически точным словом классической поэзии. Это соответствовало важным задачам, вставшим перед поэтическим творчеством конца 30-х — начала 40-х годов: в ориентации на классику расширялось представление о духовном богатстве молодого человека, выросшего при советской власти. Вечные ценности для него оказывались отнюдь не устаревшими химерами, как это, положим, считали пролеткультовцы в первые годы революции. Время показало: нужны и красота, и нежность, и высокие откровения. Сердце, Душа, Любовь — все эти слова (именно так — с большой буквы!) возвращались в нашу поэзию, дабы утвердить преемственную связь между прошлым и настоящим в самой культуре сокровенных чувств. И, что очень важно, утверждение этой связи все в большей мере начинает осмысляться как актуальная гражданская задача.

М. Дудин решительней, чем кто-либо из молодых поэтов начала 40-х годов, вступил на путь открытой реабилитации чувствительно-высокой ноты в современной поэзии. Опорой в этом была для него прежде всего поэтическая классика

XIX века. Она воспринималась молодым поэтом как некий идеальный образец, сравнимый лишь с прекрасными явлениями природы. И есть своя логика, что самое интересное в первой книге М. Дудина «Ливень» (Иваново, 1940) — это лирический пейзаж, который предстает здесь своеобразным аналогом поэтического мироощущения. Жизнь — светлый весенний ливень. Жизнь — это «мир, опять хрустящий, снежный, / В резном, узорном серебре». Жизнь — это гроза, добрая освежающая стихия, оставляющая после себя «малиновый звон».

Во всем этом в какой-то мере узнается оригинальный почерк Дудина. Здесь же ощущается одно из главных свойств его поэзии: ставка на узнавание нетленно прекрасного в жизненном разнообразии окружающего.

Дудин, очутившись в военной круговерти, попав в самые опасные зоны жизненного риска (полуостров Ханко, Ленинградский фронт), не только не утратил своей веры в свое поэтическое предназначение, но именно здесь оно обрело ту драматическую напряженность, которую не потеряла своей силы и сегодня.

Дело в том, что указание на суровую реальность войны призвано у Дудина напомнить прежде всего о святости солдатского долга, о неистребимости светлого идеального мира, к которому всегда тянулось сердце поэта. «Я видел собственными глазами, — пишет Дудин в книге „Поле притяжения“, — во время нашего наступления 1944 года распластанную в растоптанном снегу, в кювете, беременную женщину с обнаженным животом, в котором торчал вонзенный по рукоять плоский немецкий штык, а около ног женщины, воткнувшись в сугроб головой, раскинув сведенные в локтях руки, лежал убитый немец.

Ненависть рождала только ненависть.

Кровь требовала расплаты только кровью.

Но я видел, как цвела дикая земляника на минном поле и как трясогузка высидела птенцов в гнезде, устроенном над амбразурой артиллерийского капонира.

И я понял одну великую мудрость жизни, что надо жить не назло врагу, а на радость другу.

И эту мудрость мне помогла найти и понять поэзия. И когда ее руки, пахнущие молоком и спелой рожью, медом сенокосного зноя и отбеленным первыми заморозками холстом, прикасаются к моим седым вискам, я начинаю верить снова в то, что жизнь победит». Дудин-прозаик, своеобразно цитируя Дудина-поэта, по-своему точно передает здесь основной настрой собственной лирики военных (и не только военных) лет. Идея несовместимости естественного состояния жизни с разрушением, насилием, смертью — центральная в его поэзии.

Война для Дудина — это прежде всего победа Духа над физической смертью, это торжество Жизни в самый трагический час человеческого существования. И если бы от всей поэзии Великой Отечественной войны осталось бы только одно стихотворение М. Дудина «Соловьи», то и тогда бы до нас доплеснулась волна неукротимой веры фронтовиков в неминуемую победу Света над Мраком, веры поистине святой, ибо за нее заплачено кровью. Стихотворение «Соловьи» многократно подвергалось критическому исследованию. И все-таки как истинное произведение искусства оно далеко еще до конца не объяснено. (Да и могут ли такие стихи быть объяснены до конца!) Не претендуя на целостный анализ стихотворения, постараюсь обратить внимание на то, о чем до сих пор говорилось мало.

В «Соловьях» поражает органика перехода от одного звена поэтической мысли к другому при сохранении центрального «нервного узла» этого произведения. Таким «нервным узлом» становится в стихотворении Дудина скорбная минута прощания с боевым другом, умирающим «в трехсот пятидесятый день войны». Почему же выбран этот день? Ведь «смерть на войне обычна и сурова». Ведь

и раньше уходили в небытие фронтовые товарищи. И, ни слова не говоря, рыли могилы те, кто остался жить. «Мир груб и прост. Сердца сгорели. В нас остался только пепел...» — признается автор в начале своего произведения. Так почему же в трехсот пятидесятый день войны слово наконец-то пришло? Потому что запели соловьи и пробудились воспоминания о другой жизни, когда по закону контраста страшное оттенило прекрасное? Жизнь победила Смерть? Свет — Тьму? Живая поэзия сложнее.

Как время, по траншеям тек песок.
К воде тянулись корни у обрыва,
И ландыш, приподнявшись на носок,
Заглядывал в воронку от разрыва.

Еще минута. Задымит сирень
Клубами фиолетового дыма.
Она пришла обескуражить день.
Она везде. Она непроходима.

Еще мгновенье. Перекосит рот
От сердце раздирающего крика...

Всмотримся: ведь эта картина торжества природы настолько сгущена, что она вот-вот перейдет в нечто ужасное — в какой-то фиолетовый хаос. «Еще мгновенье. Перекосит рот...» Стало быть, дело не в торжестве природы как таковой, не в прелестях лирического пейзажа...

Дудин сумел передать в «Соловьях» сложную психологическую емкость той минуты, в которой резкость контрастов сменяется мигмом истины, открывающей жизнь в ее исконно добрых началах. Лирической кульминацией стихотворения Дудина «Соловьи» становится непереносимо острое сознание конечности человеческого существования и вместе с тем утверждение бессмертия лучших душевных порывов. Боец умер: умер, благословляя «неумолкающий оркестр» весеннего мира.

Он не дожил, не долюбил, не допил,
Не доучился, книг не дочитал.
Я был с ним рядом. Я в одном окопе,
Как он о Поле, о тебе мечтал.

И, может быть, в песке, в размытой глине,
Захлебываясь в собственной крови,
Скажу: «Ребята, дайте знать Ирине:
У нас сегодня пели соловьи».

Автор заговорил о самом личном, о самом дорогом, потому что он, как никогда раньше, почувствовал родственную связь с ушедшим из жизни товарищем. И теперь мы понимаем: трехсот пятидесятый день войны выделен из других дней не ради какой-то особой фактографической точности. Подчеркивание даты у Дудина — признание неизбежности того, что однажды (в двести ли одиннадцатый, в триста ли пятьдесят первый, в четыреста ли тридцать второй!) любой из воюющих солдат откроет в себе глубинный смысл происходящего и прославит «смерть во имя нашей жизни».

Дудин, по его собственному признанию, писал стихотворение «слыша грохот войны и соловьиные перекаты».

На мой взгляд, до сих пор не получила еще должной оценки в нашей критике поэма Дудина «Вчера была война». Написана она в 1946 году, но увидела свет лишь в начале 60-х годов. Как ни странно это может показаться, поэма интересна тем, что автор, казалось бы, отступает в ней от самого себя. Стихия смятенных, часто не управляемых разумом чувств на первом плане этого произведения. Чем же они вызваны? Лирический герой поэмы оказался на распутье между войной и миром. Как жить дальше? Как связать прошлое с будущим? Вот вопросы, на которые он хочет и не может пока получить ответы. В какой-то момент ему чудится, что историческая миссия, выпавшая на долю его поколения, уже выполнена. Пришла пора подводить итоги. Он пытается это сделать, и оказывается — до «вершин» еще очень далеко. Гордость за свое поколение и в то же время тревожное беспокойство — а что дальше? — пронизывает монолог лирического героя поэмы, обращенный к потомку:

Ты сам поймешь. Ты не посмотришь косо
На жизнь мою, на угловатый стих.
Я не картину — черновой набросок
Тебе оставил о делах своих.
Уж слишком необузданным и быстрым
Был наш тяжелый, раскаленный век.
Размашисто, безжалостно, как выстрел,
Горел и рассыпался человек.
О, как мы жили! Горько и жестоко!
Ты глубже вникни в страсти наших дней.
Тебе, мой друг, наверно, издалека
Все будет по-особому видней.
Мы лишь костями выстлали дорогу, —
А сами не добрались до вершин.
А ты клянись торжественно и строго
Все довершить, что я не довершил...

И все-таки поэт не может кончить на этой ноте. Как ни тверда уверенность лирического героя в том, что потомок довершит начатое им дело, он не может не думать о продолжении собственной жизни, вышедшей за черту войны. И его апелляция в последних строках поэмы к богу Поэзии весьма знаменательна. Поэзия предполагает диалог между автором и миром. Следовательно, можно говорить только о предварительных итогах. Все еще впереди. Нельзя не согласиться с В. Лавровым, который пишет в своей книге «Михаил Дудин» о поэме «Вчера была война» так: «В послевоенной поэзии вряд ли есть другое произведение, в котором с такой же искренностью были бы выражены чувства и переживания фронтовика, оказавшегося на пороге мирной жизни». И дальше: «Радость в ней соседствует с отчаянием, преодоление — с новыми драматическими коллизиями. В ней нет цельности... Но фрагментарность поэмы, художественная неравноценность глав в значительной мере искупаются предельной искренностью, высоким лирическим напряжением».

С сожалением приходится констатировать тот факт, что во второй половине 40-х — начале 50-х годов в стихах Дудина голая риторика берет верх над подлинной поэзией.

Удачи чаще всего обнаруживались в интимной лирике, в лирике природы. Читая такие произведения, как «В моей беспокойной и трудной судьбе...», «Черемуха

в окне. И ветер...», «Вот Кинешма, здесь родина моя» и другие, видишь, что Дудин не только не утратил своего всегашнего дара в раскрытии сокровенных сторон жизни человека, но, напротив, в чем-то его поэтическая живопись стала тоньше. Но вся беда заключалась в следующем: интимное и гражданское теперь, в отличие от творчества военных лет, все в большей мере представляли как бы два параллельных ряда. Любовная лирика, стихи о природе, о «малой родине» существовали рядом с балладой, одой открытого героического звучания. Одно с другим взаимодействовало слабо. Из крупных вещей, кроме поэмы «Вчера была война», удалась во второй половине 40-х годов Дудину, пожалуй, только «Хозяйка». Но это произведение было написано сразу после войны, и оно примыкает скорее к военному творчеству, нежели к поэзии мирного периода.

Ослабление гражданского пафоса в послевоенной лирике Дудина нередко ощущалось там, где поэт пытается совместить войну с послевоенным строительством. В небольшой поэме «Передний край» (1947) читаем:

Труба грозитя небесам,
В дыму седом до плеч.
И лезут люди по лесам
В маргеновскую печь.
И снова полон рот забот
От этих перемен,
И, как гвардейский миномет,
Сверкает автоген.

Отрешенность поэта от того, что он описывает, дает о себе знать на первый взгляд в эффектно, а по сути своей неточном сравнении гвардейского миномета со сверкающим автогеном.

Кому как не автору «Переднего края» дано было знать, какими трагическими узами был связан солдат со своим оружием! И вот не удержался все-таки поэт и ради красного словца сравнил миномет с автогеном. А разве не профанируют тему фронтового поколения бодряческие вирши из стихотворения «Письмо друзьям»:

Мы мирные люди сегодня, старик.
Малиновый полдень над нами стоит,
Сверкает кипучим огнем вдохновенья,
Горячим трудом моего поколенья.

Сам Дудина не отрицал влияния на него пресловутой теории бесконфликтности. В середине 50-х сам поэт в этом честно признается:

Я жил.
И я нее без греха.
И нечего таить —
Давал в том месте петуха,
Где надо слезы лить.

В 60-е и последующие за ними годы Дудин обретает новое творческое дыхание. Неустанно пишет. Работает в прозе и поэзии. Много занимается общественной работой. Представляет советскую поэзию в разных странах и континентах. Часто бывает, как раньше говорили, в наших братских республиках, обретая новых верных

друзей, щедро расточая на них свой природный дар дружелюбия. Знаток жизни и творчества Дудина, критик Наталья Банк верно заметила: «Он не растрчивал себя на полемику с тем, что ему чуждо. У него был особый талант восхищения прекрасным, новым, смелым в искусстве и жизни. И опять-таки по своей неумемной, щедрой природе он спешит поделиться радостью, хочет первым во всеуслышание сказать о ярком, общественно значимом явлении культуры». К этому будет нелишним добавить замечание Мустая Карима, сказавшего о Дудине: «...если он говорит, значит, любит. О тех, кто ему неприятен, он молчит». Не этот ли «талант восхищения», молчание Дудина давало основание для обвинений его в излишней легкости поэтического существования? Были, конечно, и легкость, и избыточный пафос. И при этом неизменным оставалась память об ушедших, отдавших жизнь за то, чтобы сохранить бессмертную основу человеческого существования. Навсегда останутся в русской поэзии такие стихи, как «В моей душе живут два крика...», «Вдогонку улывающей по Неве льдине», «У могилы неизвестного солдата». Дудину принадлежат торжественно скорбные строки, написанные от имени уходящего из жизни фронтового поколения:

Прощайте! Со временем вместе
Накатом последней волны
Уходим дорогою чести,
Дорогой пришедших с войны.

Казалось бы, вот она, точка, знаменующая итог жизни поколения и судьбу самого Дудина. Но последнюю точку ставить было рано..

Нам, ивановцам, особенно дорого, что он никогда не забывал о земле, на которой ему было суждено родиться. Поэт часто, особенно в последние годы своей жизни, бывал в Иваново. Здесь жили друзья его юности. И первым из них надо назвать Владимира Жукова, побратима по фронтовой судьбе, о котором Дудин написал замечательную статью «Жестокий хлеб нежности». Жукову посвящено прекрасное, широко известное, ставшее песней стихотворение «Это память опять от зари до зари...». Дудин всячески способствовал выходу в Большой серии «Библиотеки поэта» тома «Дм. Семеновский и поэты его круга», где было собрано все лучшее, что было написано ивановцами в первую половину XX века. Дудин был в курсе литературных новостей в Иваново. Помню, когда вышла после более чем полувекового забвения посмертная книга Анны Барковой, то первым на ее выход в «Литературной газете» откликнулся Дудин.

Мне пришлось на собственном опыте испытать дудинскую теплоту земляческого чувства. Это случилось в 1985 году, когда я встречался с поэтом в Ленинграде, решая с ним вопрос о передаче части его книжного наследия в Ивановский госуниверситет. В моем дневнике осталась следующая запись, сделанная по горячим следам ленинградских встреч с Дудиным: «Закончил дела в Ленинграде, связанные с передачей библиотеки М. А. Дудина в Иваново. Михаил Александрович подарил Ивановскому университету 25 ящиков с книгами, пластинками, картинами. 3000 книг, многие из которых с уникальными автографами... „Домашний“ Дудин очень симпатичен. Есть в нем какой-то особый ген дружелюбия, притягивающий к нему самых разных, порой диаметрально противоположных людей... Провожал меня до метро, до самого вагона. Более того, постучал в вагонное стекло палкой своей знаменитой и прокричал свое фирменное „Будь“... Проводы эти я понимаю так. Дудина в Ленинграде знают, узнают на улице. Вот ему и захотелось сделать приятное земляку, продемонстрировать на виду у всех дружеское отношение к нему. Трогательно...»

И все-таки в последнее время его все больше влекла на свою первоначальную родину не просто память о детстве и юности, а какая-то тайная неудовлетворенность прожитой жизни, которую он особенно остро ощущал, приходя к материнскому кресту на заброшенном сельском кладбище. Не об этом ли из самых исповедальных стихотворений Дудина «Вязовское»:

Порой тоска житейской прозы
Нас держит крепче якорей.
...Грустит сирень. Пасутся козы
Над прахом матери моей.

Мои́ла стоптана. Ограда
Растащена по кирпичу.
Что мне на этом месте надо?
Чего ищущ? Чего хочу?

Я здесь? Но я уже не здешний,
Здесь все забыли про меня,
Пока я шел сквозь ад крошечный
Двух войн, блокады и огня.

Пока среди сестер и братьев
В кровавом месиве дорог
Я душу матери растратил
И эту память не сберег.

Я выйду в рожь. В родное поле,
В седое, как мои виски.
И, рухнув, выплачу на воле
Всю горечь страха и тоски.

И, может быть, из сердца прыгнут
Слова, как птицы из силка,
И мне в глаза мои заглянут
Два материнских василька.

В конце жизни Дудин все острее чувствует, что выстроенная им картина мира, где преобладает тяготение человечества к торжеству и свету, начинает давать трещину. Сама действительность опровергает любые умозрительные схемы, от кого бы они ни исходили. Дудин вступает в новую полосу риска. Чернобыль, трагедия Нагорного Карабаха и многое другое перевернуло душу поэта. Читая поздние стихи Дудина, думаешь: Боже мой, да тот ли это Дудин, которого мы знали: мудрый, уравновешенный в каждом слове. Вот уж не скажешь, что Дудин — поэт «без резких очертаний», «неуловимый поэт». Резкость предельная. Недаром в конце жизни он предает огласке свои «Грешные мысли», книгу, стихи из которой он раньше не публиковал в силу их, как ему казалось, факультативности по сравнению с выверенными для печати стихами. Вспомним заключительное стихотворение из книги «Грешные рифмы», наполненное такими отчаянными строками:

Я нищим стал, все растерял по свету, —
Меня уже наполовину нету.

Все органы от ног до головы
В отдельности свободны и правы.

Ни верности, ни дружбы, ни друзей,
Ни легионов грозных, ни князей.

Расторглась жизнь, распались времена,
Предатели сменили имена...

Поздняя лирика Дудина наполнена покаянием, но не смирением. В ней страшная горечь, даже страх за будущее России. И вместе с тем — молитва о спасении ее живой души.

Дудин хотел, чтобы его похоронили там, где он родился. На Ивановской земле, на сельском кладбище, рядом с могилой матери. Об этом он пишет в стихотворении «Вместо завещания». Его последнее желание обозначено так: «Пусть все, что в душе моей жизни звучало, / Обрато вернется в родное начало». Его просьба была исполнена. Отпевали Дудина в ивановском Спасо-Преображенском соборе. Наталья Банк запомнила, «каким трогательным, чистым контрапунктом вплелось в церковный хор на отпевании нежное чириканье воробьев, залетевших в Преображенский собор с улицы... А в Вязовском по-хозяйски гомонили вороны и вдруг разом, в минуты погребения, затихли, усевшись на высокие кроны деревьев...» Родная земля принимала его со всеми «за» и «против». «Риск жизни» и «свобода умереть» сомкнулись в единое целое.